

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЯ

Заметки о спектаклях ленинградских театров

Ленинградской афише виднелся насценировано: «Семья Журбиных», «Иду на грозу», «Совесть», «Горестная жизнь плута» по роману И. Ильфа и Е. Петрова, и, наконец, «Поднятая целина», премьера, состоявшаяся несколько дней назад.

Итак, «Поднятая целина» в Большом драматическом театре имени М. Горького.

Работа над спектаклем длилась около полугода. Режиссер-постановщик Г. Тонстонов и автор инсценировки П. Демин бережно и циркулемано наносили на сценическое полотно драгоценные самоцветы шолоховской прозы. При самом тщательном просмотре романа и его сценической редакции невозможно обнаружить ни одного чужеродного слова.

Естественно, что многоплановый роман не мог уложиться в жесткие рамки театрального времени. Поэтому Г. Товстоплогов отказывается от многих выигрышных для постановки кусков, сюжетных линий, образов. Даже на биографии главных героев он отсекает все, не «работющее» на основную тему.

В репетиционном периоде спектакль называли «Коммунист Давыдов». Это название расширяет измерения режиссера — показывает на сцене образ борца, коммуниста, его чистоту, его страсть, его одержимость, духовную красоту.

В стенах этого народного сцены. Поместившиеся здесь плыно, заводилово, поэтически приподнято. И. Сметуновский, читающий текст от автора, сохраняет лирическую, задумчивую, тихую, мелодию названного хора, то тревожно нарастающего, то уходящего куда-то в бескрайнюю степь, композитор М. Тобищанов сопровождает рассказ о коммунистах Гремячего Лого.

Шолоховская интерпрация точно полита и художником С. Мандельом. Да, перед нами Гречийск Лог, доскональная станица, но «обображенна» не идеальным козником, а поэтом. Он берет основной поэтический символ старого павлака: золотистый цвет, цвет созревающих яблок, спелых пшеницы, утреннего восхода и тропицых загарах человеческих лиц. Единственный «строительный материал» декораций — золотистый плетень — рождает ощущение «всесовершенство» сценического Гречийского Лога с шолоховским.

Театральное время отсчитывает минуты, неотвратимо приближая момент, когда Смоктуновский негромко скажет Шолоховское: «Вот и степи доиски соловья до-рогим моему сердцу Давыдову и Нагулянову, отпущала им последние слова пикиста, отпущала по каменьям безымянная речка... Вот и все!»

Смешается картина за картиной. Изначно, в досаду, неожиданно по-русски оказывается станине Т. Дорониной — оказывается насаждай Гремичий Лог — действительно красивая Луща, а затем с ней уходит и горькая, как степная полынь, любовь Давыдова. На смену ей приходит другая любовь, светлая, солнечная. Темной ночью Тимошина стреляет в затылок Нагульному. Срыгает друг на друге бессильную ярость мелочные злободурадейки Иволжен (Г. Гай) и Лятевский (В. Стягальский).

Но чтобы им произошло на сцене, все внимание сосредоточено на судьбе главных героев. Мы воспринимали их как конкретных, живых людей. Их герои становятся нашим горем, их радость — нашей радостью. Вот почему, когда Давыдов, получивший первые заявления в газетку, кричит: «Чтобы на собраниях явились приодетые, как женихи! Такое, браток, в жизни один раз бывает!» — зал взрывается овацией: он торжествует моральною победою коммуниста Давыдова.

Через все события К. Лавров и П. Луспенаев, следуя замыслу режиссера, бережно проносят то воспоминание Давыдовым и Нагульновым. Которым дышит каждая строка романа.

Идет партийное собрание гремянской ячейки. Под дружный хохот стальныхников и зрителей дед Пунарь (Е. Лебедев) путанно и многократно дает «отгул» Кондратью Майданинскому. Но вот мы слышим бросаем взгляд на лицо Лускеева, и нас поражают его глаза: они хрипят и себе большую, торжественную словесную пелену.

Местами счастливыми балонты.
Мы полюбили Давыдова и На-
ульнова. Поэтому, когда внезапно
и трагически обрывается их жизнь
и где-то вдалеке приглушенно в
корбю бьет набат, мы с необыкно-
венной, почти физической ясностью
опытаем, какой прекрасной была
жизнь этих людей:

...На премьеру «Поднятой цели» занавес давали пятнадцати раз. Время приближалось к полудню, а зрители ярусом, забытые до отъезда, естественнo аплодировали. Аплодировали Шолохову, героям его замечательного романа, аплодировали всем тем, кто естественнo хорошо знает и любит последнюю ноту «партитуры» звучать по-новому.

твен в том, начал копировать иллюстрации и известную книжечку или самостоятельное произведение, передающее на образный язык другого искусства. Словом, тут все зависит от художнической самостоятельности «первоначаль-

Материал романа Д. Павловский «Совесть», на первый взгляд, малочислен может привлечь театр. Роман, строго говоря, ~~лишь~~ ~~один~~ ~~из~~ ~~первых~~ драмы в традиционном понимании этого слова.

В спектакле театра имелись Лексовета «Советы» тридцать наркти. из них двадцать пять — социа- ния, собрания, заседания. Обычно в таких местах лсы режиссер с опасной выглядывает из-за кулис: не начал ли кто-то хлопать сиденьями и, согнувшись, поворотом рысней устремиться к выходу.

Из таких «опасных» мест целым составом режиссера «Совести» поставлено режиссера И. Владими-рова. Но зритель не уходит. Боль-ше того, он сидит, впитывая глаза-ми в сцену. Он волеется в острый, горячий диспут, диспут, затрагива-ющий самые основы нашей комму-нистической морали. Спектакль **демократичен** не по привычным **цен-тральным** канонам, а по неосужда-тельному и либеральному **разговору** между

Спектакль «Совесть» публицистичен, он открыто тенденциозен, он отвергает все, что существует в жизни на «лю совести», он утверждает саму совесть.

Кончается картина, и артисты вместе с рабочими сцены переставляют мебель, убирают лишние предметы и по ходу дала, без всякой паузы переходят к следующему эпизоду. Такое решение позволяет Владимирову показать обстановку напряженной деятельности на сцене и сделать нас непосредственными участниками дискуссии. Мы безоговорочно принимаем обаятельную условность реалистического приема и верим в реальность героев, в достоверность их поступков.

А ведь к чему только не прибегает наш театр, чтобы доказать зрителю, что на его сцене все, «как в жизни». В спектакле Ленинградской комедии «После девятидцати» все современное — от плакатов и пластов до этюдов на вишневой скамейке. Да и сами персонажи тесны в Конституцков и Е. Раера проносятся наши, сегодняшние: «строим», «сверши», «свершилось», «буше», «свершилось», «свершилось». Но ощущения у нас все же, которую мы испытывали на «Состязании», все равно не рождается.

Однако вернемся к индигерированному. Возвзвух судьба еще одной книги, ушедшей свет лампы в нынешнем сезоне. О книге жаловаться нежелало, и ярыж не стоить срыж поддерижвать ее достоянства. Лежигнградский кинорежиссер Н. Хевжон уже доназал, что ромая В. Кочетова «Журбины» поддается переводу на драматургический азык.

Действие спектакля Академического театра драмы имени Пушкина идет след за след по сюжетной тропинке, проложенной писателем. Роман переводится, слышно, через налку. Рождается копия. А копия — всего только копия... Взяму переносится на сцену великие примеры жизни, взятому исполнители проносят реплики, не стремясь сказать больше того, что выражают слова.

Между тем на сцене — прославленные мастера Ю. Толубеев и В. Меркурьев. Они играли хорошо, а тем справедливо писалось во многих рецензиях.

...А я сидела в великолениском па-
тристском православном русском театре
и вспоминала другого Толубеева
Того, который потрясал человека
своей трагедией, раскрытой им чуть
ли не с рембрандтовской глубиной
и «Смерти коммюнажера». Я вспо-
минала Толубеева — мастера дета-
ли — в фильме «Горизонт» он молча
слушает пластинку, а в этом молча-
нии — рассказ в целой жизни. А
пот в «Семье Журбиных» есть То-
лубеев, но нет толубеевской непо-
вторимости. Я вижу Меркушева в
всем его щедром человеческом и
актерском обаянии, но, и великому
режиссеру, артисту не добавляя в
Матвея — партнершу рабочей ди-
ктации — ничего нового по сравне-
нию с уже сказанным самим пи-
сьменом и С. Тулузевым в фильме
«Большая семья».

Что же произошло? Скорее всего, вот что. За пианисты сел большой оркестр с прекрасными исполнителями. Каждый — от первой сигналки до пятисаза — добросовестно исполнил свою партию. Не стал на отведенное ему место только дирижер. А ведь именно он должен был подталкивать собственноручно симфонию звуков и обещать хорошо знакомую «партитуру» отзвукам художественной эмоции. Огнем, при свете которого загорались бы новые мысли, новые краски.

ПЕРЕД премьерой театра имени Ленинского комсомола «Петровка, 38» билеты продавались прямо в классе и прятком в неограниченном количестве. Зал был заполнен аплодировать. Невольно охватывала дрожь: а не спростетливо ли вы получили, приехал на Петроградскую сторону?

Нет, оказалось, что не опромет-
жало. Так почему же угрожающе
являл в партере целые ряды? Ответ
на этот вопрос надо искать не в
спектакле «Петровна, 38». Где-то
начитательно ралась театр имени
Ленинского комсомола подорвал
исверие зрителей. А вернуть авт-

рытет куда труднее, чем
потерять...

Доверие зрителя — это очень много, это то, ради чего только и стоит работать в театре. Есть такое доверие — и на любую премьеру театра Комедии востает человек. Паутиновский

идут «на Акимова», мода есть
идут «на Акимова», который
правил свой новый сентимен-
тал «Дон Жуан». Мнения об этой ра-
боте разделились. Одни употребляют
в ее адрес только восторженные
эпитеты: «Дерзкий, амьсе!»,
«Открытие Вайрона! Смелый экспе-
римент!». Другие — и такж едва-
ли не большинство — признают
и дерзость, и смелость, и находки,
но даже ради хорошего литератур-
ного текста не хотят прощать худо-
жественного несовершенства спе-
такля. И правильно делают, что
не хотят.

В Ленинграде, может быть, крепче, чем в другом городе, сохранилась традиция — ходить не только на любимую пьесу или любимого автора, но и на любимого режиссера, и на Н. Чернякова, Н. Симонова, Е. Юнгера, Ю. Толубеева, и многих других замечательных артистов-художников.

За последнее время золотой фонд испанского сценического искусства пополнился новыми именами. Те, кто видел Е. Лебедева в главной роли политического трагеданта Е. Эрнста «Карьера Артуро Ури», непременно будут смотреть пьесу Шварца. И становятся свидетелями волшебного перевоплощения. Так — острый гротеск, безграничная гиперболизация человеческого пороков, волшебных в гангстер, резкий рисунок, условные жесты, неживой, «аппаратурный» голос. Здесь — щедрая душевная теплота, вагнеровская обаятельность стилизованной шутки, под которой угадывается большое человеческое сердце.

Придирчиво и любознательно следят театралы за уверенными возмужавшими талантами Татьяны Дериюной, Кириллы Лаурова, Павла Луспекаева, Сергея Юрского, потому что каждый раз ждут от них поэтического открытия образа, драматургии, темы. Таким открытием нынешней зимой стала арбузовская «Таня» в театре имени Ленсовета. Действительно исполнение Алисой Фрейндлих. В новой премьере старый пьесы произошла не просто встреча, а знакомство с новым человеком, знакомство не только интересное, но и полезное для нас, людей шестидесятых годов.

100

Итан, что по-настоящему радует в спектаклях ленинградцев? Прежде всего — обращение к актуальным проблемам современности. Проблемы выбираются крупные и решаются масштабно. Не случайно название «Коммунист Давыдов» заимствовано из «Поднятую цепью»: спектакль получился шире, он не просто о Давыдове, он раскрывает нравственную силу коммуниста Грешаго Лого, он говорит о победе идей партии, ее величайших замыслах. Так же и в «Совести». Это — не только история о разных отношениях к партийному долгу, рабочей совести в проектах институте, в котором идет речь в романе и спектакле. Театр борется за утверждение ленинских норм нашей жизни, раскрывает процесс, начатый двадцатым съездом партии и продолжающийся сейчас.

Эти и другие работы ленинградцев убеждают в том, что художники сцены сердцем поняли полноту жизни партии, высказанные деятелями искусства во время исторических встреч на Ленинских горах и в Кремле.

Первые творческие удачи вселяют надежду. Ведь театральный сезон еще не закончен. Впереди — много премьер. Хочется верить, что каждая из них будет отмечена смелым полетом мысли, глубокими поисками и подлинным открытием.

Г. КОЖУХОВА.
(Лит. спец. морр.)

Ленинград,

УКОРЕНИЛОСЬ мнение: индустриализация — это плохо. Почему именно, сторонники такой точки зрения не объясняют. Плохо — и все тут. Но почему?

Конечно, театры обращаются и кинтам не от хорошей жизни: мало оригинальных пьес. Хотя если всложить практику мирового искусства, то придется признать: литература всегда питала кинематограф и сцену. Дело все-